

· ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ В VI—VII ВЕКАХ

М. В. Левченко

История Византии, так же как древнейшая история славян, почти не изучалась историками-марксистами. Они еще в этой области не вели в достаточной мере борьбы со спекуляциями фашистских лжеученых, высокомерно трактующих славянство, как низшую расу, беззастенчиво извращающих исторические события для обоснования своей человеконенавистнической расовой теории, признающей право исторического существования только за «германской расой».

После Великой Октябрьской социалистической революции сделалась ненужной и навсегда отпала и большая часть той излюбленной тематики, которой занималось русское буржуазное византиноведение, обслуживая задания царизма. Но это отнюдь не значит, что трудящиеся массы нашей страны не заинтересованы в научном и марксистском изучении истории византийского общества и государства и неразрывно с ней связанной древнейшей истории славян. Товарищ Димитров указывал на VII конгрессе Коминтерна, что в борьбе с фашистской и буржуазной идеологической заразой всякий важный вопрос не только настоящего и будущего, но и прошлого всего человечества и отдельных стран касается пролетариата.

А история Византии, несомненно, является важным историческим вопросом, так как в период раннего средневековья Византийское государство играло крупнейшую роль в истории Западной и особенно Восточной Европы, а также Передней Азии. Нельзя забывать, что «религия и цивилизация России—византийского происхождения»¹, что было время, когда некоторые части территории нашего Союза, как, например, Крым, Армения, Грузия, в той или другой своей части непосредственно входили в состав Византийского государства, что те же Грузия, Армения, Киевская и Московская Русь подвергались длительному и мощному воздействию византийской культуры. Ясно, что трудящиеся массы нашей страны вправе заинтересоваться основными событиями византийской истории, а советский историк должен удовлетворить эту любознательность и дать научную историю Византии, построенную на основе марксистско-ленинской методологии.

Не получил до настоящего времени правильного освещения в буржуазной исторической литературе и первый момент появления славян на истори-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, 1933, стр. 439.

ческую сцену в VI в. н. э.—факт чрезвычайно мощной экспансии славян в Западную Европу в VI—VII вв., когда они покрывают своими поселениями значительную часть Германии, территорию довоенной Австро-Венгерской империи и Балканского полуострова. Обычно колонизацию этих стран принято характеризовать, как колонизацию ползучую и незаметную, при которой славяне продвигались вперед не густыми массами, преодолевая организованное сопротивление, а отдельными поселениями, так что трудно обозначить момент, когда тот или другой край сделался славянским. Эту точку зрения мы можем найти не только в построениях фашистских лежучих, но и в наиболее солидных буржуазных руководствах по всеобщей истории, как, например, в «Кембриджской средневековой истории». В этой истории Пейскер после многоречивой болтовни «о политической и военной неспособности славян» (of the political and military incapacity of the Slavs), делающей их будто бы в течение веков беспомощными жертвами германцев и алтайцев, смело утверждает, что «невоинственные обитатели болот не могут ничего завоевывать, а могут лишь распространяться там, где они не встречают никакого сопротивления»¹.

Разумеется, подобные утверждения являются фальсификацией исторической действительности. В действительности, уже первое появление славян на историческую арену, колонизация ими Балканского полуострова, преодолевшая упорное сопротивление могущественной Восточно-римской империи, является наглядным опровержением беспочвенных рассуждений Пейскера и подобных ему фальсификаторов истории.

Английский византист Бьюри вынужден признать, что великие славянские вторжения в пределы Восточно-римской империи в VI—VII вв. представляют значительное сходство с германскими вторжениями на территорию Западной Европы в IV—V вв.² Бьюри правильно отмечает, что сходство это не случайно, а вытекает из естественного хода вещей—из столкновения между одряхлевшей цивилизацией и полным сил варварством. После длительной ожесточенной борьбы и германцы и славяне прорываются в пределы империи. Здесь вначале они признают номинальный суверенитет империи, но стремятся к полной самостоятельности и этим разлагают ее изнутри. Восточная империя так же пытается использовать славян, как наемников, в своей армии, как Западная—германцев. Сходство это еще увеличивается аналогичной ролью, сыгранной во время этих вторжений кочевыми гуннами и аvaraми. Как внедрение германцев на территорию Западной империи было осложнено образованием могущественной державы Аттилы в равнинах современной Венгрии, точно так же славянское внедрение на Балканский полуостров было осложнено образованием аварского военного союза во второй половине VI в. «Держава» гуннов после кратковременной бурной жизни быстро исчезла, получив удар на Каталаунских полях, точно так же после короткого промежутка времени было ликвидировано славянами господство аваров. Благодаря этому был расчищен путь для беспрепятственной колонизации славянами Придунайских стран и Балканского полуострова. Это значительное сходство германских и славянских вторжений на территорию империи признавали и основоположники марксизма. Так, Энгельс в «Диалектике природы», характеризуя положение мира в конце древности, говорит об узкой культурной полосе «вдоль побережья Средиземного моря, которая спора-

¹ CMH, v. II, p. 426.

² Bury—A History of the later Roman Empire from Arcadius to Irene, v. II, p. 114.

дически вытягивала ветви во внутренность материка до Атлантического побережья Испании, Франции и Англии и которая поэтому могла быть разорвана и смята немцами и славянами с севера и арабами с юго-востока»¹.

Задача настоящей статьи и заключается в том, чтобы уяснить, каким образом произошло внедрение славян на Балканский полуостров. Уяснить же этот исторический факт, очевидно, невозможно без ознакомления с внутренним состоянием как Восточноримской империи, ставшей жертвой славянских вторжений, так и славянских племен, на нее нападавших.

I

Славяне появляются на историческую арену сравнительно очень поздно. Только источники VI в.—греческие и латинские—начинают говорить о славянах ясно и определенно, по крайней мере, о южных славянах. Это не значит, что о них не упоминают античные авторы. Но упоминания Плиния, Тацита, Птолемея о венедах настолько кратки и неопределенны, что позволяють нам сделать только один вывод, а именно, что древнейшие известия греческих и римских писателей не знают славян на запад от Вислы и на юг от Карпат². Правый берег Вислы и Карпаты можно считать самыми крайними, известными античным авторам, пунктами распространения славян на запад Европы.

В настоящее время можно также считать установленным, что история славянства раскрывается перед нами тут же в Европе. Старая теория переселения славян в Европу не имеет за собой убедительных доказательств. Славяне не пришли из Азии в готовом виде, а появились в Европе в итоге длительного общения между собой различных племен и народов, расселяясь на огромных пространствах Восточной Европы. Шахматов правильно связывает факт мощного движения славян на запад и на юг Европы в V—VI—VII вв. с великим переселением народов. Мы не знаем, когда произошла колонизация славянами бассейна Одера и Эльбы, а также Богемии. Во всяком случае, мало вероятно, чтобы это заселение началось ранее V в. Позднее произошло заселение славянами Штирии, Каринтии и Крайны. По крайней мере, лангобарды, ушедшие в Италию в 568 г., ничего не помнили о том, чтобы за ними следовали славяне. Первое упоминание о хорутанских славянах мы встречаем только в конце VI в. О том, что эта мощная экспансия славян стояла в тесной связи с переселением германских племен внутрь Римской империи, определенно говорит Энгельс. Говоря о столкновении римлян с германцами при Августе, Энгельс пишет: «Эти передвижения германцев представляют первый акт того переселения народов, которое сдерживалось римским сопротивлением в течение трех столетий, но к концу III в. с непреодолимой силой прорвалось через обе пограничные реки, наводнило Южную Европу и Северную Африку и приостановилось только с завоеванием Италии лангобардами в 568 г.,—приостановилось, поскольку речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении»³.

Если мы не знаем, когда произошло заселение славянами бассейна

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 440.

² P l i n.—*Historia Naturalis*, IV, 27; T a c.—*Germania*, c. 46; P t o l e m.—*Geographia*, III, 5.

³ Энгельс—К истории древних германцев. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 344.

Одера и Эльбы, а также Богемии, Моравии и Силезии, то совершенно иначе обстоит дело с внедрением славян на Балканский полуостров.

До VI в. источники ничего не говорят о пребывании славян к северу от Балканского хребта. Иордан, составлявший в 551 г. свою готскую историю, прямо говорит, что славяне в его время занимают огромное пространство от Вислы и Днестра до Карпат. Показания этого писателя и других упоминают о нашествии славян за Дунай только с начала VI в.

К началу VI в.—к моменту начала наступления славян на Византию—мы можем констатировать следующее расположение варварских племен вдоль северных границ Восточноримской империи. На Верхней Саве, излучине Дуная и Нижней Тиссе жило германское племя гепидов. Владея Сирмием, гепиды имели также переправы на Дунае и за деньги перевозили на византийскую сторону других варваров¹. Византийское правительство разжигало вражду между гепидами и лангобардами, жившими северо-западнее гепидов. Оно включило лангобардов в разряд союзников, выдавало им денежные субсидии и предоставило для поселения территорию Норики и Паннонии с обязательством охраны границ. Ближайшими соседями гепидов к востоку вдоль Дуная до самого устья реки являлись славяне, которые в начале VI в. уже прочно осели по всей равнине левого берега Дуная. Они жили попеременно с гуннами, которые, по свидетельству Прокопия, оказывали большое влияние на их образ жизни и нравы. В черноморских степях кочевали гуннские племена: кутургуры, утургуры и савиры. Эти же гунны кочевали и за Дунаем, причем для задунайских гуннов уже тогда возобладало имя болгар. В сидящих на Дунае славянах мы видим предков восточных и южных славян, которые, еще не разделившись, в конце V в. покинули Привислинье и прошли в Дунайскую равнину².

О времени общей жизни восточных и южных славян говорит ряд особенностей, сближающих русский язык с южнославянскими, в отличие от языков западнославянских. Неизвестные нам причины вызвали раскол этих славян на две группы: южную и восточную.

Только в VI в. два историка впервые с полной определенностью говорят о славянах. Это византиец Прокопий и готский историк Иордан. Прокопий и Иордан точно и без больших противоречий между собой указывают нам территории, принадлежавшие этой группе славян. В V главе «Готской истории», посвященной географии Скифии, Иордан говорит: «Хотя теперь имена венедов изменяются по различию племен и жизни, однако они преимущественно называются склавинами и антами. Склавины обитают на восток по Днестру, а на север—по Висле. Анты же, считающиеся наиболее мужественными между ними, живут в окрестностях Понта от Днестра до Днестра»³.

Готский историк здесь ясно указывает на произошедшее расселение и исчезновение общеплеменного имени. Прокопий указывает, что прежде славяне и анты имели одно имя, называет антов соседями славян и отступает от Иордана, главным образом, в том, что отодвигает пределы антов

¹ Procop., De bello Goth., 4, 25, 10—15.

² Это движение славян к Дунаю, по всей вероятности, не могло не стоять в связи с гуннским движением V в., разгромом ими аланов и готов. Можно считать вероятным предположение, что славянские отряды принимали участие в походах гуннов на Средний Дунай, хотя для доказательства присутствия славян в гуннском племенном союзе мы можем привести только несколько слов, дошедших из гуннского языка и звучащих по-славянски. См. HGM, 300, ed. Bonn., 1933; Iord., с. 49.

³ Quorum (Venetharum) nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur,—гл. V.

гораздо дальше на восток и на север. «Меотийский залив,—говорил он,—впадает в Эвксинский Понт. Тамошние жители, известные под именем киммериян, теперь называются утургуры. Дальнейшие края на север занимают бесчисленные племена антов»¹. Германского названия славян Прокопий не употребляет. Вместе с Иорданом он придает имя склавин как раз южной группе, которая колонизовала Балканский полуостров, а восточных называет антами. Если имя склавины (словене), как и имя сербы, есть племенное название, которое давали себе сами славяне, то имя анты не встречается в племенных названиях славян и легко может быть признано иностранным.

Деление славян на собственно славян и антов, продержавшееся в византийских источниках целый век (550—630), пробовали объяснять разными причинами. Старое предположение Куника, утверждавшего, что «анты по происхождению своему не были действительно славянами, а лишь династами азиатского происхождения, подчинившими себе черноморских славян в VI столетии», подхваченное Пейскером в «Кембриджской средневековой истории» для доказательства его излюбленного положения о неспособности славян к самостоятельной политической жизни, совершенно безосновательно. Ни о каких династах антов ни одним словом не упоминается в наших источниках. Наоборот, Прокопий прямо подчеркивает, что славяне и анты живут одинаково демократическим строем². То же подтверждает Псевдо-Маврикий³. Но отношения между склавиными и антами в VI в. были не всегда мирными. Прокопий в «Готской войне» сообщает о враждебных столкновениях в 30—40-х годах между склавиными и антами, которые закончились победой склавинов. Очевидно, анты подвигались на запад от Днестра и теснили своих западных соседей, словен, что и явилось причиной столкновений.

Иордан дает некоторые сведения по истории антов IV в.

Удрученный усилением и экспансией славян в VI в., он утешает себя воспоминаниями о славных для остготов временях Германриха. «Хотя ныне,—говорит он,—за грехи наши венеды везде свирепствуют, но тогда (в 332—350 гг.) [они все] были подвластны владычеству Германриха»⁴.

II

С бытом и жизнью славян VI в. нас знакомят, главным образом, византийский историк Прокопий и византийский военный трактат конца VI—начала VII в., раньше приписываемый императору Маврикию. Прокопий является самым выдающимся византийским историком VI в. Советник и секретарь по юридической части знаменитого полководца Велизария, дослужившийся, по свидетельству лексикографа Свида, до высших ступеней правительственной администрации, Прокопий в своей «Истории» в 8 книгах, в трактате «О постройках» и в «Тайной истории» сообщает очень много важных сведений по внутренней истории Византии и по истории войн с вандалами, готами, персами и славянами, особенно в III книге «Готской войны». Он очень хорошо осведомлен в событиях и является добросо-

¹ De bello Gothico, IV, 4.

² De bello Gothico, III, 14.

³ Русский перевод, стр. 180.

⁴ Iord., c. 23, «Qui quamvis nunc ita facientibus peccatis nostris ubique desaeviunt tamen tunc omnes Hermanarici imperiis servierunt».

вестным с своей классовой точки зрения историком. Он знал, по свидетельству младшего современника Агафия, «неимоверно много предметов и, так сказать, перерыл всю историю»¹. К сожалению, по условиям своей службы он находился вдалеке от дунайской границы, и, таким образом, события на Дунае становились ему известными из вторых рук. А из того, что ему было известно, Прокопий рассказывает в своей истории готской войны лишь факты, имеющие отношение к главному предмету его произведения. Поэтому, естественно, и сведения, сообщаемые им о славянах, отрывочны и случайны.

Ценным дополнением к сведениям, сообщаемым Прокопием, служит «Стратегикон» — военный трактат, раньше приписываемый императору Маврикию, относящийся к концу VI — началу VII в., написанный хорошим военным специалистом, изучившим практически лучшие способы ведения войны со славянами. Этому вопросу специально посвящена пятая глава XI книги трактата. Но автора, как и следовало ожидать, главным образом, интересуют военные порядки у славян, и по этому вопросу в трактате собраны довольно хорошие сведения.

Однако, как бы ни были отрывочны и случайны эти сведения, они характеризуют общественный строй, напоминающий общественный строй германцев времени Тацита: народ, только что перешедший со средней на высшую ступень варварства; народ, только частью осевший на землю, а частью отыскивающий новые места поселения. Быт славян определяется его связью с хозяйством страны, обильной лесом и водой. Поэтому он характеризовался большим значением охоты, рыболовства, бортничества наряду с трудным и менее благодарным подсечным земледелием. Но и земледелие к концу VI в. достигло заметных успехов. По крайней мере, «Стратегикон» отмечает наличие у славян «многочисленного скота и большого количества произведений земли, в особенности пшеницы и проса»².

Мы мало осведомлены о других видах производства у славян, но византийцы сообщают, что славяне быстро овладевали всеми тайнами восточноримской военной техники и быстро научились изготавливать самые разнообразные стенобитные орудия. Они во множестве изготавливают легкие суда как для аварского хана, так и для собственных смелых набегов на острова Эгейского моря.

Прокопий говорит об их высоком росте и необычайной силе; о том, что в бой они идут, главным образом, пешими, держа в руках щит и дротики, нагрудников же никогда не надевают. Об одежде их тот же Прокопий говорит, что некоторые из них не имеют ни рубахи, ни плаща и вступают в бой в одних портах³. Деньги они употребляли редко и мало и притом, главным образом, восточноримские, но деньги уже были известны славянам, как это видно из рассказа Прокопия о вторжении славян в 553 г.⁴

«Стратегикон» отмечает, что славяне расселялись в лесах или около рек, болот и озер — вообще в местах трудно доступных. Расселение слишком крупными поселками в таких условиях было невозможно, так как примитивные условия эксплуатации природных богатств требовали значительного простора для каждого хозяйства. Проф. Пресняков правильно указывает, что «условия хозяйства предопределяли не только известный ма-

¹ A g a t h., 264.

² Русский перевод, стр. 181.

³ De bello Gothico, 3, 14.

⁴ De bello Gothico, IV. 25.

ксимум, за который не мог переходить размер поселка, но и определенный минимум рук, ниже которого нельзя было обойтись»¹.

Византийцы отмечали отсутствие у славян крупных поселений. Прокопий изображает их жилье жалкими хижинами, разбросанными далеко друг от друга.

Но если эти славянские дворища и казались культурному византийцу жалкими, то объем их всецело определялся бытовыми потребностями сотрудничества и самозащиты.

В этом дворище жила группа, состоящая из отца с 2—3 взрослыми сыновьями и их семьями, 3—4 братьев, совместно ведущих безраздельное хозяйство. Эта группа—основная общественная организация древних славян,—объединенная общим хозяйством и общей работой, создающая общее имущество, принадлежащее всей группе, являлась большой семейной общиной, или, по терминологии южных славян, где эта бытовая форма сохранила жизненное значение до новейшего времени—куча, дружество, задруга.

Энгельс отмечает, что «патриархальная большая семья, которую мы теперь еще встречаем в Сербии и Болгарии, явилась переходной формой от семьи, возникшей из группового брака, основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного типа»².

Он дает классическое описание этой общественной организации: «Южнославянская задруга,—говорит он,—представляет собой наилучший живой образец такой семейной общины. Она охватывает несколько поколений потомков одного отца с их женами, причем все они живут в одном дворе, сообща обрабатывают свое поле, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (домочина), который представляет ее перед внешним миром... Он избирается и отнюдь не обязательно должен быть старейшим»³.

Энгельс указывает, что эта патриархальная большая семья с общим землевладением и совместной обработкой «была необходимой переходной формой, из которой в дальнейшем развилась сельская община, или марка, с индивидуальной обработкой и с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахотной земли и лугов»⁴.

Часть племени, занявшая под хозяйство своих дворищ определенную, хотя, конечно, не строго ограниченную, территорию, образовала соседскую общину (вервь, чешское ополе, братства в Сербии). По отношению к другим союзам соседская община, или братство, выступала как единое целое.

Наконец, несколько соседних общин, или братств, образовывали племя. Каждое племя занимало особый округ, который у всех южных и западных славян носил название жупы.

Высшей степени варварства соответствовал и общественный строй славян. Повсеместно существовал совет старейшин, который частью сам решал дела, частью подготовлял их для народного собрания.

Прокопий дает представление об общественном устройстве славян. «Народ этот,—говорит он,—не управляется одним человеком, но истари

¹ Пресняков—Лекции по русской истории, стр. 52.

² «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Соч., т. XVI, ч. I, стр. 42.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Там же.

живет в демократии. Поэтому все, что для них полезно или вредно, они обсуждают сообща»¹.

Из этого византийские политики выводили, что на славян нельзя полагаться в международных отношениях. «Они,—говорит «Стратегикон»,— совершенно ненадежны в переговорах, так как при столкновении противоположных мнений ни на что не соглашаются, или же согласие одних тотчас нарушается несогласием других» (стр. 185).

У славян, так же как и у германцев, создавались частные объединения для ведения войны за свой страх и риск. Военный вождь, приобретающий славу, собирал вокруг себя толпу жаждавшей добычи молодежи и вторгался в пределы Восточноримской империи. Появлялись счастливые узурпаторы, так же, как и в Германии во время Тацита, добивавшиеся власти и иногда ее достигавшие. Феофилакт Симокатта называет одну славянскую область по имени ее вожды *ἡ ἀρχὴ τὸν Ἀρδῆλαστον ὑφῆλ*. Такие узурпаторы еще не являлись неограниченными властителями, но они уже начинали подрывать основы родового строя.

Некоторые из них обещаниями и богатыми подарками могли быть привлечены на сторону Византии. Псевдо-Маврикий (стр. 185) пишет: «Так как у них много князей, и они между собой не согласны, то выгодно некоторых из них привлечь на свою сторону или посредством обещаний, или богатыми подарками, в особенности тех, которые по соседству с нами и имеют сношения с другими, чтобы они не соединились вместе и не поступили под начальство одного».

Славяне VI в. обладали всеми достоинствами и недостатками варваров. Византийские писатели признавали храбрость, свободолюбие славян, их честность, демократический инстинкт, видевший во всех общественных делах свое собственное дело,—качества, утраченные одинаково и восточными и западными римлянами, их гостеприимство, целомудрие женщин, их мягкое обращение с рабами-военнопленными, которым по прошествии нескольких лет предоставлялась свобода. В то же время византийские авторы не жалеют слов, описывая жестокость и варварство славян на войне. В этом отношении славяне были не хуже и не лучше других варваров.

Личная храбрость и свирепость заменяли славянам то, что им нехватало в военном искусстве и вооружении. Против хорошо вооруженных восточноримских войск они сражались с крайне недостаточным вооружением.

Придвинувшись к Дунаю, славяне не могли оставаться пассивными зрителями нападений на Восточную империю различных степных племен, кочующих в черноморских степях, по распадениям государства Атилы. Их так же, как и других варваров, жажда добычи неудержимо влекла на юг в богатые и культурные страны Восточного Рима.

III

В процессе внедрения славян на Балканский полуостров следует различать два периода: первый продолжался с конца V в. до начала VII в., точнее до восшествия на престол Фоки (602 г.). В этот период восточноримское правительство оказывает упорное сопротивление варварским нашествиям. Славяне в это столетие проникают на Балканы скорее с целью грабежа, чем колонизации полуострова, хотя к концу этого столетия можно констатировать уже несомненное наличие значительных масс славян внутри полуострова.

¹ P r o c o p.—De bello Gothico, 3, 4.

С начала VII в. сопротивление Византии слабеет. Дунай уже перестает представлять преграду славянским вторжениям и служить этнографической границей между славянами и ромеями. Начинается второй период внедрения славян на Балканы, когда славяне переходят Дунай огромными массами и, заняв известную область, уже не покидают ее, унося с собой все, что можно взять, а водворяются в ней навсегда.

Перипетии борьбы и изменения в ее характере и результатах нельзя понять без рассмотрения внутреннего состояния Восточной империи в VI—VII вв.

«Византийский вопрос» в буржуазной историографии разбирается уже давно и переживает любопытную эволюцию. Буржуазная историческая наука на Западе, напуганная пролетарской революцией, склонна все более высоко расценивать роль средневековой Византии, как оплота порядка, культуры, законности.

В этом отношении любопытно сравнить характеристику Византии в буржуазной историографии XVIII—XIX вв. с характеристикой буржуазных историков эпохи всеобщего кризиса капитализма. Идеологи буржуазии XVIII в. Монтескье и Вольтер с величайшим презрением характеризуют византийскую историю, как самый затхлый и ужасный участок времени средневекового варварства, как «позор для человеческого ума». С особенной яркостью и убедительностью изобразил историю Византии, как безнадежное разложение и неуклонное умирание, знаменитый английский историк конца XVIII в. Гиббон¹.

Эта характеристика в эпоху пролетарских революций сменяется диаметрально противоположной. Англичанин Рамзэй, давший ряд ценных исследований по эпиграфике и исторической географии Малой Азии, заявляет, что накануне арабских вторжений «население Восточноримской империи было лучше управляемо и пользовалось большим довольством, чем население всякого другого современного государства»².

Такую же идеализацию Византии мы находим у Гарди, Шнебеля, белоэмигранта Острогорского.

Однако ни один из этих новейших панегиристов Византии не может дать вразумительного ответа на вопрос, почему же эта «счастливая», «процветающая» империя в VII в. претерпела жестокий военный разгром от арабов и славян, лишилась половины своей территории, а население Египта, Сирии, Месопотамии и Балкан несколько не сожалело об утрате византийского суверенитета. Нельзя, конечно, отрицать, что в период раннего средневековья Византия по отношению к востоку и западу Европы была носителем более высокой культуры, что принесенное из Византии христианство было шагом вперед по сравнению с язычеством славян и, в частности, для русских, поскольку вместе с христианством среди славян распространилась более высокая греческая культура и образованность. Но буржуазные историки умалчивают об оборотной стороне медали—о Византии, как оплоте деспотизма, церковности, усовершенствованного механизма эксплуатации трудящихся масс.

На эту сторону дела неоднократно обращал внимание Маркс.

Основоположники марксизма в немногих гениальных высказываниях ярко и метко определили историческую роль Византии. Маркс не отрицал крупной роли, какую играли Византия и византийская культура в период

¹ «The History of the decline and fall of the Roman Empire», V, 1908, p. 170.

² «Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire», p. 293.

раннего средневековья, факта подчинения громадных территорий Восточной Европы и Передней Азии византийской религии и цивилизации, но он подчеркивал реакционность Византии, указывая на «ужасные и насильственные формы гибельного могущества Византии»¹. «Византийское государство было самым худшим государством»².

«Константинополь,—писал Маркс,—это вечный город, это Рим Востока. Западная цивилизация и восточное варварство при греческих императорах, восточное варварство и западная цивилизация при господстве турок так тесно переплелись между собой, что этот центр теократической империи стал настоящей преградой для распространения европейского прогресса»³.

Основоположники марксизма раньше, чем кто-либо из буржуазных историков, правильно указали и одну из важнейших причин «живучести» Восточноримской империи, причину, почему грандиозная катастрофа, которая включает историю античной империи, сказалась в меньшей степени на Востоке, чем на Западе. Энгельс отмечает «ущевшие остатки торговли», как отличие Восточной империи от Западной⁴. Маркс указывал, что Константинополь в дальнейшем «до открытия прямого пути в Индию... был огромным торговым рынком»⁵.

Характеризуя вытекающее отсюда богатство средневековой Византии, Маркс называет Константинополь «золотым мостом между Востоком и Западом»⁶.

Уцелевшая на Востоке промышленность, торговля, а также виртуозно разработанный финансовый аппарат позволяли правительству Восточноримской империи выжимать из своих подданных очень крупные по тому времени денежные ресурсы. О размерах их дает некоторое представление свидетельство византийского историка Прокопия, что казначейство Восточноримской империи к концу правления императора Анастасия (491—518) обладало денежной наличностью в 320 тыс. фунтов золота, т. е. около 130—140 млн. рублей золотом⁷.

Эти крупные средства давали возможность центральной власти подавлять всякие центробежные стремления, бороться с наступающими варварами или от них откупаться, подавлять восстания угнетенных народных низов. Большое значение для сохранения Восточной империи имело, несомненно, также то обстоятельство, что она имела в V в. обеспеченный тыл, так как мир с Персией, ослабленной внутренними противоречиями, не нарушался почти в течение всего этого века, за исключением коротких и малозначительных столкновений.

Сам Константинополь, с трех сторон окруженный морем, был с моря недоступен для варваров, не имевших флота, а с суши его охраняли мощные стены.

Напуганный катастрофой, постигшей Западную империю, правящий класс Восточной империи вел отчаянную борьбу за сохранение и укрепление своего классового господства. Была уменьшена поголовная подать, а в некоторых провинциях совершенно снята, как, например, во Фракийском диоцезе (Cod. Theod. 11, 52, de col. Thracensibus). В 498 г. при Ана-

¹ Соч., т. VIII, стр. 128.

² Соч., т. I, стр. 206.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 440.

⁴ Ф. Энгельс—Происхождение семьи..., стр. 149.

⁵ К. Маркс—Действительный спорный пункт в Турции, Соч., т. IX, стр. 382.

⁶ К. Маркс—Традиционная политика России, Соч., т. IX, стр. 441.

⁷ P r o c o p i i—Historia Arcana, 19. 7—8.

стасии был отменен крайне тяжелый налог на промышленное население городов, так называемый хрисаргир; предпринимались неоднократные попытки устранить продажу административных должностей и упорядочить судопроизводство. В V—VI вв. правительство предпринимало неоднократные попытки поддержать еще уцелевшие крестьянские хозяйства.

Но целый ряд обстоятельств: необеспеченность провинций от варварских набегов, насилия магнатов, тяжесть налогов—вызывают уменьшение земледельческого населения, стремившегося в крупные города, монастыри. Увеличение площади заброшенных земель осязательным образом отражалось на поступлениях государственного казначейства. Поэтому все земельное законодательство империи V—VI вв. является бесконечной сетью мероприятий, ставящих своей целью во что бы то ни стало привязать колона к земле или его заместить, если ему все-таки удалось убежать.

В течение IV—V вв. правительство издает ряд эдиктов, которыми все более стесняется свобода колонов в их переходе с места на место, и фактическое закрепощение колонов в IV—V вв. получает юридическую санкцию. Этот процесс завершается при Анастасии. Согласно СІ, XI, 48, 23, свободные колоны, еще сохранившие свободу передвижения, если они в течение 30 лет являются арендаторами какого-либо участка, теряют право его покинуть, хотя и считаются свободными.

В целях обеспечения единства этой разноплеменной империи византийское правительство заключает в V—VI вв. самый тесный союз с христианской церковью. Этот союз был настолько тесен, что Марк справедливо назвал Византию настоящим центром теократической империи¹. За счет правительства и общества церковь быстро становится чрезвычайно богатой, и в этом отношении V—VI вв. являются золотым веком для восточной церкви.

В награду за свои услуги церковь получает у правительства крупные земельные владения, широкие права и привилегии. Императорская власть поручает церковникам заведывание целым рядом государственных и муниципальных дел.

Боевым отрядом церковного фанатизма в эти века являлось монашество, «плодотворная» деятельность которого выражалась в том, что монахи с яростью крушили и уничтожали античные храмы, статуи, библиотеки, произведения искусства и культуры предшествующих поколений и жестоко расправлялись со всеми, кто осмеливался не подчиняться общеобязательной церковной доктрине и кто имел несчастье вызвать гнев их вожakov.

Монастыри также быстро обзаводились богатствами, землями, рабами, колонами. Как быстро на территории империи шло развитие этого учреждения, показывает тот факт, что в начале VII в. на 6—7 млн. населения византийского Египта в нем, по вычислению Масперо, насчитывалось до 500 тыс. монахов и монахинь². Быстро размножались монастыри и монахи и в других провинциях империи.

Идеологическая опора правительства—православная церковь—стоила очень дорого и причиняла массу трудностей своей политикой фанатизма и нетерпимости. Еще хуже обстояло дело с материальной опорой—войском, которое уже в период Римской империи, по характеристике Энгель-

¹ К. М а р к с, Соч., т. IX, стр. 440.

² «Histoire des patriarches d'Alexandrie», p. 55.

са, гораздо более походило на армию ландскнехтов, чем на староримское крестьянское войско¹. К концу IV в. положение с армией еще более изменилось к худшему: она также уже давно сделалась кастой. Со времен Галлиена был закрыт доступ в армию сенаторам, как потенциальным претендентам на императорский престол². Доступ в армию был закрыт также курии и их детям, так как они все свое время должны были отдавать курии—собирать налоги и выполнять разные другие повинности. Также и по тем же основаниям в армию не допускались ремесленники и торговцы. Само собой разумеется, в армию не допускались рабы.

Таким образом, только самые низшие элементы городского населения, не обязанные государству какими-либо повинностями, могли вступать в армию. Но трудности, долгий срок службы, скудное вознаграждение отталкивали от военной службы и люмпен-пролетариат. Оставалась конскрипция—повинность, лежащая на крупных и средних собственниках. По требованию правительства крупный земельный собственник должен был выставить одного или нескольких рекрутов из людей, живущих на территории его имения. Само собой разумеется, землевладельцы старались сбыть рекрутским агентам, каковыми являлись те же декурионы,—самых негодных и малоценных своих людей. Правительство предпочитало нанимать варваров, взыскивая с земельных собственников от 25 до 36 аолидов за голову рекрута.

Зачисленных рекрутов клеймили, заставляли приносить присягу и обязывали к военной службе до истощения сил (20—25 лет). Военнослужащие могли вступать в брак. Дети их подлежали обязательному зачислению в армию.

Военная годность подобным образом комплектуемой армии все более уменьшалась. Империя все больше должна была базироваться на наемных варварских силах. Уже в IV в. римская армия считалась тем более боеспособной, чем больше в ней было варваров и чем меньше в ней было туземных, «римских» элементов.

Решительный сдвиг к варваризации армии произошел в 80-х годах IV в. после разгрома готами, аланами и восставшими рабами восточноримской армии в 378 г. в битве под Адрианополем, где погибли сам император Валент, оба магистра, 35 командиров отдельных частей и $\frac{2}{3}$ армии.

Новый восточный император Феодосий I должен был прибегнуть к дипломатии, привлекая на свою сторону отдельные отряды готов, и при их помощи водворить относительный «порядок» на Балканском полуострове. Готам была предоставлена земля во Фракийской провинции; вожди их и дружины были зачислены в римскую армию на положении федератов. Спустя 10 лет после битвы под Адрианополем Феодосий уже имел сорок тысяч готов на своей службе. Они образовали привилегированную часть его армии и притом получали лучшее содержание, чем туземные, «римские» войска.

Но с политической точки зрения эксперимент Феодосия навлек на Восточную империю очень серьезную опасность.

События 399 и 400 гг. и восстания Трибигильда и Гайны показали правительству Восточноримской империи всю опасность такой системы. Правительство должно было учесть этот урок и в дальнейшем избегать повторения эксперимента Феодосия I, хотя создать боеспособную тузем-

¹ Ф. Энгельс—Бруно Бауэр и раннее христианство, Соч., т. XV, стр. 606.

² Снова сенаторское сословие получило это право при Константине. См. Ch. L'écrivain—Le Sénat Romain, p. 55.

ную армию ему еще долго не удавалось, так же, как не удавалось освободиться от необходимости пополнения армии варварами-федератами.

Эта задача получила частично разрешение только при императоре Льве (457—474), который для ликвидации опасного влияния алана Аспара решил противопоставить готам исавров, которые считались подданными империи. Лев создал из исавров несколько военных частей в армии Востока, сформировал из них особый военный отряд, носивший имя экскувитов, для своей личной охраны, породнился с одним из исаврских вождей Тарасикодиссой, переименовав его в Зинона и удостоив консульского звания.

Преемник Льва исавр Зинон (474—491) продолжал его политику по части создания туземного войска. Он создал императорскую гвардию из своих одноплеменников, начал усиленный набор в армию армян, подданных империи. В результате он оставил своему преемнику войско, в котором варварские элементы, теперь составленные из готов и гуннов в равном количестве, уже уступали туземным элементам.

После ухода остроготов с Балкан в 488 г. исавры стали не нужны, и политическое преобладание их было ликвидировано Анастасием (491—518) после семилетней гражданской войны, но исавры продолжали и в дальнейшем давать основные кадры для туземной армии. Таким образом, Восточная империя сравнительно благополучно пережила кризис V в. и крах Западной империи, сохранив все свои владения в Европе, Азии и Африке, хотя восточноримская армия в многочисленных войнах V в. с варварами не могла похвалиться победными лаврами. Неоднократные попытки прийти на помощь погибавшей Западной империи, которая официально продолжала составлять одно целое с Восточной, кончились самым плачевным фиаско.

Особенно крупной неудачей была катастрофа, постигшая экспедицию Василиска в 465 г. против вандалов, экспедицию, обошедшуюся константинопольскому казначейству в 64 тыс. фунтов золота и 700 тыс. фунтов серебра, т. е. около 30 млн. рублей золотом¹. Анастасий (491—518), по-видимому, примирился с совершившимися на Западе фактами. В церковном вопросе он был сторонником «восточной» ориентации, идя на уступки монофизитам, учитывая их силу на Востоке и то обстоятельство, что восточные провинции являлись экономическим центром империи.

При Юстине I и Юстиниане политика восточноримского правительства круто меняется. Часть сенаторской аристократии, военноварварские группировки Иллирика и Фракии, боровшиеся с оружием в руках против Анастасия, все сторонники халкидонского вероисповедания, значительная часть константинопольского населения, руководимая димом «голубых», были недовольны осторожной восточной политикой Анастасия, мирившегося с водворением германских варваров на Западе. При Юстиниане Восточноримская империя переходит от обороны к наступлению и производит отчаянную попытку «реставрации» старых порядков на Западе.

Ф. Энгельс указывал, что в IX в. на Западе «беспольные воспоминания и тщетная борьба» «гибнущего римского мира уже умерли и были погребены»².

Но для правящей верхушки Восточной империи VI в. воспоминания о старой единой империи не казались бесполезными, и борьба за восстано-

¹ I o h a n n L y d.—De mag., 3, 44.

² «Происхождение семьи...», т. XVI, ч. I, стр. 131.

вление старых порядков на Западе не представлялась тщетной. Толпы беглецов с Запада наполнили восточные провинции и призывали восточное правительство к вмешательству в западные дела. На это толкали правительство Восточной империи одинаково усердно и сенаторская аристократия, и фанатическое духовенство, проповедовавшее крестовый поход против ариан.

В 519 г. были восстановлены церковные связи с папой, поддержка которого была необходима для реставрации империи на Западе, и в связи с этим правительство возобновляет преследование монофизитов.

С 533 г. Византия обрывается на варварские королевства на Западе, и в течение десятков лет на это бросаются лучшие военные средства и силы империи.

Хотя правительству Юстиниана не удалось восстановить империю в прежнем объеме, но достигнутые результаты к концу его правления с внешней стороны были достаточно велики.

Не говоря о Лазике, стране цаннов и других приобретениях в бассейне Черного моря, власть восточноримских императоров распространилась на ряд территорий на Западе: Далмацию, Италию, восточную часть Северной Африки (Тунис и часть современного Алжира), юго-восток Испании, Сицилию, Сардинию, Корсику, Балеарские острова. Территория империи по пространству почти удвоилась. Границы империи снова простирались от Гибралтара до Евфрата, а Средиземное море снова являлось «римским» озером.

Но эти внешние блестящие успехи были куплены дорогой ценой. Военные предприятия на Западе не вызывались жизненными интересами империи, центр которой лежал на Востоке. Удлинив в гигантских размерах ее границы от Херсонеса в Крыму до Гибралтара, завоевания Юстиниана крайние затруднили все дело обороны империи. При этом трудящиеся массы воссоединенных стран, которым реставрация принесла только большее закабаление, не имели никаких оснований поддерживать византийское правительство, а недостаток средств, повлекший за собой уменьшение численности войска, не позволил правительству укрепиться как следует в отвоеванных странах, результаты чего быстро сказались при преемниках Юстиниана.

Далее, завоевания на Западе были куплены ценой разорения Востока. Средств, несомненно, значительных, которыми располагало восточноримское правительство, все же не хватало для осуществления дорогостоящих планов Юстиниана. Сбережения Анастасия были израсходованы уже в первые годы правления Юстиниана. А дальше, в течение всего правления Юстиниана, противоречие между гигантскими претензиями правительства и положением финансовых средств все больше нарастало, и трудности покрытия дефицита непрерывно увеличивались. Для добывания средств правительство пошло по линии наименьшего сопротивления, все ту же заворачивая налоговый пресс на трудящиеся массы. Юстиниан обратился к тем мерам, которые сам строго запрещал в своих первых указах: продаже должностей и введению новых налогов. Чтобы заставить население платить налоги за земли, опустевшие и брошенные, Юстиниан пустил в ход старые средства: так называемую прикидку (*ἐπιβολή*), когда брошенный кем-либо участок передавался казной соседу, который из урожая возделанной им земли должен уплачивать сборы и за оставленный участок. Эту надбавку Прокопий называет «чумой, внезапно падающей на земледельца и лишаящей его всякой надежды на спасение» (Hist. arc., 113).

Неудивительно, что Восточноримская империя являлась ареной ожесточенной классовой борьбы, проявлявшейся в частых восстаниях городских димов в Константинополе и других крупных городах, восстаниях колонов и рабов, восстаниях в армии, появлении многочисленных ересей, выражавших протест против существующих социальных порядков, в борьбе против официального православия, как опоры и санкции существующего строя. На всех этапах истории Византии ход классовой борьбы определял исторические судьбы империи.

Гениальные высказывания И. В. Сталина на съезде колхозников-ударников, ярко и четко выявив действительные причины грандиозного краха Западноримской империи,—вопрос, который никак не могла решить буржуазная историография,—помогают нам уяснить и ход исторического процесса в Восточноримской империи.

«Блестящее» царствование Юстиниана подготовило громадный взрыв классовой борьбы начала VII в. и страшный кризис, пережитый империей в первой половине VII в. Буржуазные историки (Бьюри, Штейн) обычно очень упрощенно объясняют причины этого кризиса, поставившего Восточноримскую империю на край гибели. По мнению Бьюри, этой причиной являлась военная слабость Византии, обусловленная великодержавной политикой Юстиниана¹. Этого же мнения придерживается и Штейн². И тот и другой смазывают роль и значение ожесточенной классовой борьбы, восстаний народных низов в начале VII в., являвшихся непосредственным развитием и продолжением революции рабов, ликвидировавшей Западноримскую империю;

IV

Первые вторжения славян на территории Балканского полуострова, можно предполагать, относятся к концу правления Анастасия, когда на северо-западной границе империи появился новый враг, к которому в то время применяли старое имя «геты». Этот новый враг надвинулся в 517 г. в направлении Иллирика. Полчища варваров, по сообщению хронистов, прошли по той самой дороге, по которой ходил на разорение империи Аттила, опустошили Македонию, Фессалию, на юге дошли до Фермопил, а на западе—до старого Эпира. Ими было захвачено огромное количество пленных, и Анастасий был вынужден послать тысячу фунтов золота префекту претория Иллирика на выкуп пленных.

Так как византийские историки (Феофилакт Симокатта) в дальнейшем неоднократно называли славян гетами, то вполне вероятно предположение, что этот новый враг Византии были славяне³. Но систематические нападения славян на Балканский полуостров начинаются при Юстине и Юстиниане и продолжаются в течение всего долгого 39-летнего правления последнего. По крайней мере Прокопий в «Тайной истории» утверждает, что «с самого начала правления Юстиниана (527 г.) гунны (болгары), склавины и анты почти каждый год страшно опустошали Иллирию и всю Фракию, все земли от Ионического моря до константинопольских предместий, Элладу и Херсонес».

Правительство Восточноримской империи применяет для борьбы с новыми врагами все старые средства римской политики. Излюбленным

¹ EB, XIX, 934.

² Ernst Stein—Studien zur Geschichte des Byzantinischen Reiches, 2.

³ Дринов («Заселение Балканского полуострова славянами», М. 1873) считает

методом его является натравливание одних варваров на других: утургуров на кутургуров, лангобардов на гепидов, антов на славян, авар на славян.

Оно сооружает многочисленные укрепления для прикрытия дунайской границы. Количество их было умножено до такой степени, что, по словам Прокопия, «всякое имение на Балканах оказалось либо превращенным в мощный замок, либо находилось вблизи укрепленного поста» (Procop.—De aed., 268). Позади первой линии старых, еще римских укреплений на Дунае Юстиниан создал вторую и третью линию укреплений в Дакии, Дардании и Мизии и на юге—в Эпире, Македонии, Фракии, которые должны были создать два новых барьера против варварских вторжений, прикрывать горные проходы и пункты стратегического значения, давать убежище населению. Для предотвращения славянских набегов восточно-римское правительство проводит карательные экспедиции на собственной территории славян. Одновременно с этим оно пытается применить к славянам ту форму отношений к варварам, которая действовала в отношении германцев. Оно включает славян в качестве федератов и в войска империи. Мы встречаем антов и славян во время войны Восточной империи с остроготами в 536 г. в византийской армии в Италии (Procop., I, 26; III, 22). При этом славяне являются не только рядовыми наемниками. Их мы встречаем на высших должностях, как, например, Доброгеза, анта-таксиарха (554—555) или полководцев Юстиниана в Персидской войне 555 г. (Ὀυσιγάρδος и Σουαρούνας Σχλάβος ἀνὴρ, Всеград, Сварун). В 545 г. Юстиниан предложил антам занять старый заброшенный город на левом берегу Дуная Туррис с тем, чтобы они приняли на себя обязательство охраны Дуная в тех местностях от гуннов.

Во Фракий Юстин привлек на свою сторону выдающегося вождя антов Хильвуда, сделав его магистром армии Фракии и преемником Германа. В течение 3 лет—с 530 по 533 г.—Хильвуд оказывал мужественный отпор всем нападениям славян на Мизию, но в 534 г. он со слабыми силами переправился через Дунай, был подавлен численным превосходством славян и убит.

Этот момент Прокопий считает поворотным в истории Балканского полуострова в том смысле, что после смерти Хильвуда Дунай уже не являлся преградой для вражеских вторжений. Но дело, конечно, было не в Хильвуде. Неблагоприятный для Византии поворот дел на Балканах был вызван другими, более существенными причинами. С 533 г. правительство Юстиниана приступило к осуществлению своего грандиозного плана—реставрации старых порядков в Западной Европе и ликвидации возникших там германских королевств. В течение двух десятилетий на это предприятие бросались лучшие военные силы и средства империи. Это неизбежно неблагоприятно должно было отразиться на обороне Балканского полуострова. Положение еще более осложнялось начавшейся в 540 г. войной с Персией. В результате дунайская линия укреплений оказалась не в состоянии задержать набеги гуннов и славян. В своем сочинении «О постройках» Прокопий упоминает, что славяне нередко занимали дороги к югу от Доростола (Силистрии), грабили путников и делали весьма затруднительным сообщение в тех местах. В Скифии (Добрудже) они уничтожили укрепление Ультиму и в течение некоторого времени жили в преде-

их славянами; Müllenhoff (DA, II, 383—384) и А. Васильев («Византийский Временник», т. V, 1898, 407—408) предпочитают видеть в «гетах» болгар и славян вместе.

лах этой провинции, как в своей земле. В 540 г. зарегистрирован крупный набег гуннов и славян, опустошавших ряд местностей от Адриатики до Эгейского моря.

В 545 г. Нарзес повел на вербованных им для войны с остроготами герулов на зимние квартиры во Фракию. Но вместо остроготов герулам пришлось иметь дело со вторгшимися во Фракию славянами. Герулам, по словам Прокопия, удалось победить славян и перехватить добычу и пленных¹. Но в дальнейшем вторгшиеся на территорию империи славянские дружины становились все более многочисленными, и борьба с ними была все менее успешной. Об этом ясно говорит сообщение Прокопия о славянском набеге 548 г. Славяне перешли Дунай в 547 г., опустошили огнем и мечом весь Иллирик до Диррахия, не встречая нигде сопротивления. Они жестоко грабили и разоряли население, уводили людей в рабство, захватили несколько укреплений. Хотя военачальники Иллирика имели в своем распоряжении 15-тысячное войско, они не осмелились противостоять славянам и ограничились тем, что следили за славянами, не решаясь дать им отпор².

В следующем, 549 г. на Балканы вторгся небольшой отряд славян. Дойдя до Гебра, он разделился, одновременно опустошая Иллирик и Фракию. Им был разбит ряд византийских воинских частей, пытавшихся помешать его опустошениям. Прокопий рассказывает, что предводитель одной из кавалерийских частей, разбитых славянами, был захвачен и сожжен живым³. В 549 г. славяне почувствовали себя достаточно сильными, чтобы осаждать города и укрепленные места. Они взяли приступом город Топир, расположенный на расстоянии 12 дней пути от столицы, перебили там всех мужчин, а женщин и детей взяли в плен⁴. Никем не тревожимые, они благополучно возвратились за Дунай с своей добычей. Неудивительно, что еще более крупный набег славян повторился в 550 г. В этом году Герман собирал войско у Сардики, чтобы вести его опять-таки в Италию. В то же время славянское ополчение невиданной раньше величины переправилось через Дунай и появилось у Наисса (Ниша). Через взятых у славян пленных было установлено, что предполагаемым объектом нападения на этот раз должен явиться главный город Иллирика Фессалоники. Обеспокоенное этим сообщением правительство отдало приказ Герману выступить против славян. Славяне, однако, узнав, что Герман ведет против них крупные военные силы, уклонились от нападения и удалились через Иллирийские горы в Далмацию⁵. Осенью 550 г. Герман умер, а его войско—вместо преследования славян—сначала располагается на зимние квартиры, а затем отправляется в Италию. Славяне благодаря этому получили возможность перезимовать на территории империи и усилиться новыми подкреплениями. Когда навстречу им выступило византийское войско под начальством евнуха Схоластика, оно было разгромлено славянами, причем было отнято и войсковое знамя. После этого славяне совершенно безнаказанно разграбили расположенную недалеко от длинных стен область Астику, с давних пор не подвергавшуюся опустошению, и безнаказанно вернулись за Дунай. Византийское правительство могло только утешать себя ничтожной уда-

¹ Пр о к о п и й, —De bello Gothico, III, 13.

² Т а м ж е, III, 29, 1—3.

³ Т а м ж е, III, 38.

⁴ Т а м ж е.

⁵ Т а м ж е, III, 40, 1—7.

чей в стычке с одним из замедлившихся возвращением славянских отрядов, раздувая ее в значительный военный успех¹.

Ни одно из вторжений славян и гуннов при Юстиниане еще не вело к постоянному поселению значительных масс славян на Балканах. Но беспрерывные набеги славян, гуннов, болгар губительно отражались на экономическом благосостоянии провинций, лишая их населения и превращая, по выражению Прокопия, в «скифские пустыни».

Следующие за Юстинианом императоры Юстин II (565—578), Тиверий (578—582), Маврикий (582—602) унаследовали от Юстиниана истощенный как в финансовом, так и в военном отношении государственный организм и в то же время должны были выдерживать ожесточенный напор аваров, славян, лангобардов на севере и персов на юге.

В конце правления Юстиниана в расположенных к северу от Дуная областях появляется новый грозный враг Византии—авары.

Авары наряду с болгарами, кутургурами, уцелевшими гепидами подчинили себе славян, заселивших Паннонию и Венгрию. Несомненно, пытались они подчинить себе и славян, живших на территории древней Дакии в Молдавии и Бессарабии. Но это им не удавалось.

Власть аваров не простиралась на дакийских славян, как об этом свидетельствует рассказанный Менандром эпизод о взаимоотношениях кагана и дакийского вождя Добрита². Это же еще в большей степени относится к славянам восточным—антам. Как показал Дринов, историограф правления Маврикия Феофилакт Симокатта только единственный раз, говоря о славянских вторжениях в империю 583 г., указывает, что славян подослали в империю авары³. Во всех прочих случаях славяне, исключая паннонских, действуют самостоятельно и независимо от аваров, нередко воюют с аварами, заключают мир и вступают в союз.

Византийское правительство до конца VI в. продолжает оказывать ожесточенное сопротивление внедрению славян на Балканский полуостров и упорно отстаивает линию Дуная, но удерживать эту линию ему становится все труднее вследствие распыления войск Восточноримской империи на громадной территории в результате завоеваний Юстиниана и вспыхнувшей после смерти Юстиниана новой войны с Персией.

При Тиверии византийское правительство осознало, что оно не может с успехом отбиваться от всех своих внешних врагов и потому, придерживаясь оборонительной тактики в Италии против лангобардов, откупаясь выплатой увеличенной дани от нападения аваров, главные свои усилия сосредоточивает против наиболее опасного врага—Персии.

Но славяне не желали считаться с планами византийской политики. В 577 г., когда авары официально находились в мире и союзе с империей, славяне огромной массой—в количестве 100 тыс., по свидетельству Менаандра, переправились через Дунай, наводнили Фракию, подвигаясь на юг,

¹ Славяне, по показанию Феофана, являлись участниками и последнего, самого страшного в правление Юстиниана, нашествия варваров из-за Дуная на Балканский полуостров в 558 г., когда, по сообщению византийских источников, великая сила этих варваров выпала во Фракию, где разделилась на три отряда: один двинулся через Македонию в Элладу и проник до Фермопил, второй—угрожал укреплениям, защищавшим Херсонес, третий—под предводительством Зибергана—направился прямо к столице. Понадобилось все военное искусство престарелого Велизария, чтобы отогнать варваров от столицы мировой империи.

² Menandri, ed. Bonn., 406.

³ Theophyl., I, 6, 7.

грабили и разоряли Элладу, т. е. Македонию и Фессалию, как тогда называли эти области¹.

Не имея достаточно сил для отражения этого нашествия, Тиверий был вынужден обратиться к аварам с просьбой напасть на славян в их собственных жилищах. Каган согласился исполнить эту просьбу. У него были свои причины для мести славянам, обитающим на левом берегу Дуная в пределах древней Дакии. Считая их в числе своих данников, он незадолго перед этим отправил к ним посольство с требованием уплаты дани. Но славянский вождь Добрит—*Dobritas*—презрительно отверг его требование, заявив, по словам Менаандра: «Кто из людей, согреваемых лучами солнца, может подчинить себе нашу силу? Мы привыкли покорять себе других и властвовать над ними, а не поддаваться им; при этом и остаемся, пока на свете будут существовать война и меч»².

Горячие объяснения с послами дошли до схватки, в которой послы кагана были перебиты. Поэтому Баян, пробравшись по южному берегу Дуная до низовьев, в Доростоле (Силистрии) был перевезен византийцами на левую сторону, разорил несколько славянских поселений, награбил добычу. Но этим дело и кончилось. Прочной помощи от аваров Византия ожидать не могла, так как эти кочевники при первом удобном случае сами стремились пограбить Византийскую империю и уже в 582 г., в нарушение договоров, овладели важной пограничной крепостью Сирмием, требуя нового увеличения дани.

Диверсия аваров в собственную страну славян, предпринятая ими по просьбе византийского правительства, не облегчила положения империи и не заставила вторгшихся на Балканский полуостров славян вернуться обратно³. Источники прямо нам свидетельствуют, что славяне остались на территории империи и в 581 г. причинили, повидимому, особенно значительные опустошения.

По крайней мере, современник этих событий Иоанн Эфесский занес в свое повествование под 583 г. следующее замечание: «Будучи весьма слабо вооружены двумя-тремя метательными копьями, славяне взяли много укрепленных городов на своем пути, обосновались на захваченной территории, обжились на новых местах, владеют большими стадами, стали богаты, имеют золото и серебро, обзавелись оружием, которым научились владеть лучше, чем римляне»⁴.

В этом известии особенно важно признание византийских авторов, что славяне оказались способными учениками и быстро усваивали все тонкости военной техники того времени, единственное, чего им раньше нехватало для победы над Восточноримской империей.

Не менее важны показания источников, что отдельные славянские отряды уже оседали на территории империи.

Известия Иоанна подтверждаются свидетельством другого современника. Феофилакт Симокатта (I, 6, 6, 7) пишет, что славяне, вторгнувшись в империю при императоре Маврикии, заняли обширную ее часть и проникли до длинных стен.

Полководцу Маврикия Коментиолу посчастливилось нанести им значительное поражение на реке Эргинии. Он успешно сражался с ними и под Адрианополем, где над славянами начальствовал вождь Ардагаст, очистил

¹ Menandri, 47.

² Menandri, ed. Bonn., 406.

³ Menandri, fr. 43.

⁴ Iohann Ephes., 6, 25, 84, 285.

от славян Астику, местность к северу от реки Гэбра (Марицы) между Адрианополем и Филиппополем¹. Если Феофилакт говорит, что эти славяне были подговорены аварами, то более осведомленный современник Менандр сообщает, что отношения дакийских славян и аваров в то время были самые неприязненные. Около этого времени, по словам Менандра, каган замыслил поход против дакийских славян, для чего и отправляет посла в Константинополь, прося у константинопольского правительства позволения провести свои войска против них прежней дорогой, через Иллирию и Мизию. На обратном пути посол этот был захвачен и убит славянами где-то в Иллирии.

Несмотря на успехи Коментиола, очистившего от славян ближайшие к столице области, сил Византии, очевидно, не хватало для очищения всего Балканского полуострова. Поэтому византийское правительство, применяя свою излюбленную тактику, побуждает антов, чтобы они произвели диверсию в склавинские земли. Анты напали действительно на страну склавинов и, по сообщению хроники Михаила Сирийца, причинили ей значительный ущерб². Но это опять-таки мало помогло Византии.

По сообщению церковного историка Евагрия³, подкрепляемому официальными византийскими документами, в 589 г. славяне добрались до самого Пелопоннеса. Фальмерайер отсюда вывел заключение, что этот год явился началом постепенного заселения славянами Пелопоннеса и Греции, причем все греческое население было скоро целиком истреблено оружием и эпидемиями. Это заключение было опровергнуто Карлом Гопфом, который доказал, что греческий элемент в Элладе продолжал существовать в VI—VII вв. и в последующие века, но он не мог опровергнуть самого факта вторжения славян в Грецию и заселения ими здесь ряда местностей.

Византийские историки объясняли хозяйничанье славян на Балканском полуострове тем обстоятельством, что большая часть военных сил империи была в это время брошена на войну с Персией. В 591 г. эта война, наконец, была доведена Византией до благополучного конца. После этого войска были переброшены на Балканский полуостров. Маврикий пытается отбить у славян охоту от вторжений на Балканы путем нападения на их собственные земли за Дунаем. В течение 9 лет он ведет продолжительную и трудную войну с аварами и славянами. В 593 г. под предводительством лучшего полководца Восточной империи в то время—Приска византийские войска направляются через Дунай, и византийские реляции сообщают, что Приск нанес сильное поражение стоявшему тут славянскому отряду, которым предводительствовал Радагаст, вождь одной из прибрежных областей.

Услуги какого-то гепида, изменившего славянам, облегчили Приску вторжение и в другую славянскую область, вождь которой Мусокий вместе со многими старейшинами был взят в плен⁴.

По словам Феофилакта, у славян была взята большая добыча. Лучшую часть добычи полководец послал в Константинополь в дар императору, но на шестой день пути в горах Восточных Балкан посланец Приска—Татимер, подвергся внезапному нападению славян, очевидно, уже осевших внутри страны. Ему удалось отбить нападение и захватить пленных.

¹ Theophyl., I, 7.

² «Chronique de Michel le Syrien», éditée par Chabot, II, p. 361.

³ Evagrii—Historia ecclesiastica, VI ed., Bidez et Parmantier, p. 227.

⁴ Theophyl.—Hist., VI, 7, 1—5.

Возвращаясь обратно, он привез приказ императора зимовать внутри неприятельской страны. Приск его не осуществил, боясь крайнего недовольства войск, и перевел войска обратно через Дунай, за что был лишен командования, которое было передано брату императора Петру. В то же время славянские отряды снова стали переходить Дунай и продолжать свои опустошения на южном берегу Дуная. На один из таких отрядов, возвращавшийся с богатой добычей, награбленной в городах Залдапе, Акисе и Скописе в Нижней Мизии, наткнулся новый полководец. При приближении восточных римлян славяне загородились обозом телег, перебили всех пленных и погибли до одного в храбром бою¹. Петр не мог в 596 г. переправиться через Дунай. Его задержало само правительство, озабоченное слухами о подготовляемом нападении славян на самый Константинополь.

В 597 г. Петр переправляется через Дунай около впадения в него реки Осмы, но при переправе потерпел чувствительную неудачу. Один из отрядов его войска, численностью в тысячу человек, был совершенно истреблен славянским вождем Пирогостом, защищавшим переправу. Хотя восточным римлянам и удалось рассеять славянскую охрану переправы (причем Пирогост был убит) и высадиться на левом берегу Дуная, но вскоре они вынуждены были возвратиться, не причинив славянам существенного вреда².

Но в то время, как византийские войска пытались проникнуть в собственную землю славян, славяне в 597 г. предпринимают осаду большого и укрепленного города Фессалоник, центра административного управления префектуры Иллирика. В сентябре 597 г., неожиданно явившись огромной массой под стены города, славяне обложили Фессалоники по всему протяжению стен от моря и до моря и начали правильную осаду. По сообщению источников, эта осада характерна тем, что славяне пользовались всеми осадными машинами того времени: огромными орудиями для метания камней, железными таранами, так называемыми черепахами (*testudo*), покрыв их сырыми кожами. Очевидно, в ту пору вся территория Иллирика от Сингидона до Фессалоник пришла в величайшее запустение и была широко открыта для славянских вторжений. Осада эта кончилась неудачей, но византийское оружие в 597 г. не могло похвалиться какими-либо другими удачами.

Маврикий был вынужден отнять у своего брата командование и снова передать его Приску. В 598—599 гг. центр военных действий переносится на войну с аварами, довольно неудачную для Византии. В 599 г. Баян нанес сильное поражение византийскому полководцу Коменлиоту и приказал перебить 12 тысяч военнопленных, которых Маврикий отказался выкупить. В 600 г. Византия и авары заключили мир. Границей между аварским каганатом и империей был назначен Дунай, который восточным римлянам разрешалось переходить только для войны со славянами³. Несмотря на неудачу предшествующих попыток обуздания дакийских славян и утверждения власти империи на левом берегу Дуная, Маврикий упорно продолжает свою политику в этом направлении, стремясь одновременно отомстить аварам за поражение 599 г. Перевес в борьбе в следующем году решительно переходит на сторону Восточной империи. Ей

¹ Там же, VII, 2, 2—10.

² Там же, VII, 2—5.

³ Там же, VII, 15.

удается к началу VII в. восстановить дунайскую границу. В 601 г. византийский полководец Приск одерживает над аварами большую победу, сначала под Виминацием, а затем на берегу Тиссы в бывшей области гепидов. В числе взятых пленных, по византийским реляциям, было 3 тысячи аваров, 6 тысяч других варваров и 8 тысяч славян. В 602 г. византийская армия снова переправляется через Дунай и проводит карательную экспедицию на собственной территории славян.

В связи с византийскими походами на Дунай мы встречаем одно из последних упоминаний в византийских источниках об антах. Во время войны 602 г., когда брат императора Петр приоткрывался к походу против находившихся в то время в союзе с аварами славянских племен, аварский каган отправил войско, «чтобы уничтожить антский народ, бывший в союзе с ромеями». Но из аварского войска масса начала перебегать к византийцам. Встревоженный каган был принужден принимать всякие меры к тому, чтобы прекратить дезертирство, и поход, повидимому, не состоялся.

Что касается византийского похода на славян в 602 г., то он закончился восстанием византийской армии против правительства. Делая отчаянную попытку отвлечь славян от нападений на Балканский полуостров путем нападения на их собственные земли за Дунаем, Маврикий стремился прочно занять левый берег Дуная и потому настаивал на зимних походах, так как зимой было легче переправиться через Дунай и преследовать славян в лесах, их обычных убежищах. Но эти расчеты наткнулись на решительное сопротивление ромейского войска, измученного долгой и бесплодной борьбой и давно уже враждебно настроенного к правительству.

Если военное положение империи к началу VII в. несколько улучшилось, то классовые противоречия в Восточной империи все более обостряются, приводя к созданию единого фронта армии, городских димов, городского плебса, колоннов и рабов.

Юстин II был послушным орудием сената, который снова выступает на первый план в конце VI в. Все более возрастающие роль и значение крупных земельных собственников подчеркиваются новеллой Юстина II в 569 г., узаконившей захват местной земельной знатью правительственного аппарата во всех провинциях империи. По этой новелле епископам, крупным землевладельцам, предоставлялось право намечать кандидатов на должность презида, начальника провинции, причем император обещает их утверждать безвозмездно. В соответствии с этим правительство Юстина заняло твердую, неуступчивую политику по отношению к димам, сокращая государственные расходы на раздачу анноны и зрелища для константинопольского плебса. Летописец сообщает, что в 568 г. Юстин лично заявил «голубым»: «Царь Юстиниан для вас умер», а «зеленым»: «Царь Юстиниан для вас жив», и что, поняв угрозу, димоты присмирели¹.

В церковных делах, уступая давлению могущественного и фанатического духовенства, Юстин возобновил преследование монофизитов, что довершило отчуждение от империи Сирии, Месопотамии, Египта и усилило сепаратистские тенденции этих провинций. Тиверий, учитывая грозный рост недовольства масс, делает слабую попытку изменить правительственный курс, опереться на димы, чтобы ограничить растущие претензии знати; уничтожает налог, введенный Юстином на получающих хлебный паек в столице, но при Маврикии правительство возвращается

¹ Theophan., 243, 4—9,

к старому курсу. Маврикий снова является сенатским императором, стремится ликвидировать финансовые затруднения империи за счет сокращения солдатского жалования и бесплатных раздач константинопольскому плебсу, а также усиления налогового гнета. Реакция низов против слишком ярко выраженной классовой политики правительства проявлялась в частых восстаниях в провинции, в бурных выступлениях димов и в солдатских бунтах. Иоанн Никиусский сообщает о крупном восстании в Египте в округе Айкела, где восставшие собрали большие отряды вооруженных людей, перехватывали транспорты с хлебом, направляемые в Александрию, а один из главарей восстания Исаак занялся пиратством на море и ограбил остров Кипр. Августин Иоанн для подавления восстания должен был стянуть войска Александрии, Египта и Нубии¹. Не успело правительство справиться с восстанием Айкела, как ему пришлось подавлять движение народных низов в округе Акмиле, где вождь Азария собрал вокруг себя большое количество рабов и колонов. Движение было настолько серьезным, что против Азарии пришлось двинуть значительный отряд войска. Повстанцы, окруженные войсками, предпочли умереть с голоду, чем сдаться.

Уже в 588 г. нашествие аваров, приблизившихся к Константинополю, вызвало резкие манифестации столичных димов против императора.

Но с особой силой революционные настроения проявлялись в армии. Армия при преемниках Юстиниана подверглась значительным изменениям. Роль варваров в ней значительно уменьшается. Войска каждой провинции теперь набираются, главным образом, из местного населения. Отряды федератов и оптиматов, продолжая оставаться лучшими и наиболее надежными частями армии, теперь являются ее интегральной частью и резко отличаются от инородцев (*ἐθνηκοί*). Армия имеет характер ополчения, которое собирается по мере надобности и по приказу правительства в определенном месте. Солдаты имели земельную собственность и являлись землевладельцами—посессорами городского округа, только занесенными в военные списки, и должны были являться на сбор с конем и оружием. Таким образом, эволюция господствовавших в армии порядков сближала положение солдат с положением земледельческого населения. Вместе с этим менялись и самый характер и значение солдатских выступлений и восстаний. Сохраняя в значительной мере профессиональный характер, эти движения в то же время обнаруживают более определенную социальную направленность. Правительство Маврикия стремится укрепить обороноспособность империи решительным переходом к созданию территориальной армии, пополняемой туземным населением. Оно стремится сократить расходы на армию, сократить солдатское содержание, восстановить в армии древнеримскую дисциплину. Но армия, зараженная общим недовольством населения, рассматривает эти реформы, как тягости, нарочито придуманные для ее утеснения чуждой и враждебной властью, и оказывает ожесточенное сопротивление. Волнения в армии вспыхивают одно за другим. В 588 г. взбунтовавшаяся армия, воевавшая с персами, заставила своего военачальника Приска и командный состав бежать из лагеря, низвергла статуи императора, называла его торгашом. В 602 г. дело дошло до решительной развязки. Войска на Дунае подняли открытое восстание под предводительством центуриона Фоки, когда им было приказано зимовать за Дунаем во вражде-

¹ «Chronique de Jean évêque de Nikiou», p. 412.

ской стране,* и двинулись походом на Константинополь для расправы с Маврикием. Восстание армии встретило полную поддержку константинопольских димов и плебса. Маврикий, его сыновья и наиболее ненавистные армии представители правительства были казнены. Политический переворот 602 г., движущими силами которого были армия и константинопольский плебс, сбросил правительство крупных земельных собственников, пытавшееся урегулировать финансовые затруднения за счет армии и константинопольского плебса.

Но выдвинутое армией правительство Фоки с самого начала встретилося с ожесточенной оппозицией сената и крупных земельных собственников, значительной части военной и гражданской администрации и было втянуто в новую войну с Персией. Врагам правительства удалось разжечь гражданскую войну в Киликии, родине Маврикия, Сирии, Палестине, Малой Азии, Египте. Эта гражданская война, в которой на первый план выступают партии «зеленых» и «голубых», была борьбой не только династической, но и социальной, религиозной, племенной и велась со страшным ожесточением. Об этой гражданской войне, которую обычно затушевывают буржуазные историки, ясно и недвусмысленно свидетельствуют византийские историки и хронисты. Феофилакт Симокатта говорит о борьбе партий, как о причине, от которой едва не погибла Римская держава¹.

Объективное значение революционных массовых выступлений народных низов, восстававших против двойного гнета—империи и непосредственной эксплуатации со стороны крупных землевладельцев,—сводилось только к расшатыванию и ослаблению центральной правительственной власти. Расшатывая центральную власть, революционное движение масс оказалось бессильным вывести общественную жизнь из тупика. Правительство Фоки боролось с византийской знатью применением беспощадного террора, но оно не могло ей противопоставить творческой программы, улучшить положение народных масс и привлечь прочно на сторону солдатского правительства димы и кресьянство.

Гражданская война дезорганизовала окончательно византийскую армию и административный аппарат, и несмотря на то, что Фока сосредоточил все свои военные силы на Востоке, откупившись от аваров повышенной данью, он не мог отразить натиска персов, которые захватывали одну за другой области империи.

Наконец, сенатская партия заручилась поддержкой экзарха Африки Ираклия, поднявшего восстание против Фоки. В 609 г. при поддержке африканской армии против Фоки подняли восстание крупные землевладельцы в Египте, к которым присоединилась партия «зеленых». Соппротивление правительственных войск и администрации было сломлено, и Египет отложился от Фоки, что обрекало население столицы на голод. В то же время африканский флот, всюду встречая поддержку партии «зеленых», двинулся прямо на Константинополь и в 610 г. сверг правительство Фоки и восстановил власть крупных земельных собственников.

Потрепанная террористическим режимом Фоки сенаторская аристократия восстанавливает свое господство в Византии в 610 г., поставив у власти императора Ираклия.

Но Ираклию приходится напрягать все силы для борьбы с Персией, захватившей богатые восточные провинции. Византии после долгой и ожесточенной борьбы еще удалось нанести Персии сокрушительный

¹ Theophyl.—Hist., VIII, 17.

удар, но не успела она освободиться от этого врага, как ей пришлось выдерживать натиск еще более опасного врага—арабов.

В результате в течение всей первой половины VII в. Восточная империя не имела достаточно сил и средств для борьбы со славянами на Балканском полуострове.

Самые сообщения византийских источников о событиях на Балканском полуострове в VII в. становятся крайне скудными. Благодаря этому VII и VIII вв. в истории как самой Византии, так и славян, поселившихся в ее пределах, являются наиболее темным периодом, наименее освещенным современными историческими свидетельствами. Связный исторический рассказ современников прекращается до конца VIII в., до появления известной хронографии Феофана. Для времени Ираклия (610—641) сохранились лишь скудные известия современников и несколько стихотворных панегирических произведений Георгия Писиды, имеющих весьма малое историческое значение. Скудные сведения об этих веках черпаются, главным образом, у позднейших писателей—Феофана, патриарха Никифора и Константина Порфирородного. Из них, однако, мы узнаем, что в правление Фоки и Ираклия славяне продолжали опустошать Фракию, Македонию и Грецию. В 611 г., по сообщению Павла Диакона, славяне страшно опустошили Истрию¹. К первым годам правления Ираклия относятся следующие слова Исидора Севильского: «В самом начале царствования Ираклия, на пятом году этого царствования, славяне отняли у римлян Грецию, персы же — Сирию, Египет и многие другие области»².

Свидетельство Исидора подкрепляется сообщением Феофана, что «Ираклий, приняв власть, нашел империю сильно потрясенной. Европу сделали пустыней варвары; всю Азию переворотили персы».

Эти сообщения дают нам право сделать вывод, что Дунай в VII в. уже перестал представлять какую-либо преграду славянским вторжениям, и начался второй период внедрения славян на Балканы, охватывающий время от начала VII в. до образования на полуострове первых славянских государств, когда славяне покрывают своими поселениями почти всю территорию Балканского полуострова.

Славяне утверждаются на морском побережье и предпринимают частые набеги на острова Эгейского моря. Датированные свидетельства об этом имеются от 20-х годов VII в., но весьма вероятно, что морские набеги начались еще раньше. В 623 г. славяне на своих ладьях проникли до отдаленного Крита, который и подвергся их ограблению. Ожесточенным варварским нападениям подвергаются главные центры Восточной империи на Балканском полуострове: Фессалоники и самый Константинополь. В период 623—641 гг. славяне предпринимают новые настойчивые попытки овладеть Фессалониками.

Славяне представляют в VII в. уже прочно сидящее оседлое население Балканского полуострова. Во второй половине VIII в., кроме разрозненных владений на западе, Византия сохраняла за собой Малую Азию, Константинополь и Фракию. Она продолжала рассматривать, как подвластные ей, обширные области Балканского полуострова, но на самом деле она сохранила в них лишь некоторое количество опорных пунктов на морском побережье.

Современное свидетельство, сохранившееся в одном агиографическом

¹ Pauli Diacon., 4, 24, 40.

² См. Ebert—Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalters im Abendlande bis zum Beginne des XI Jahrhunderts, I, S. 588—602.

памятнике, показывает, что в 60-х годах VII в. такие близкие к столице города, как Бизия, Силимврия, Месемврия, считались пограничными.

Отсюда приходится заключить, что территория старых провинций империи: Фракии, Эмимонта, Родопы, не говоря уже о более северных, к этому времени окончательно вышла из подчинения империи.

Родовой строй славян оказался очень живучим и на новых местах их обитания, особенно у сербо-хорватов, заселивших Иллирик. Даже в X в., по сообщению Константина Порфирородного, сербы, хорваты, захлумцы, тервуныне, конавляне, диоклейцы, нарентане не имели других правителей, кроме своих жупанов (πλὴν Ζουπάνας γέροντας καθὼς καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβίαι ἔχουσι τύπον). Гораздо раньше возникает государство у семи славянских племен, заселивших Мизию. Западноболгарская орда под предводительством Аспаруха, поселившаяся около 670 г. за Дунаем, основывает болгарское по имени, славянское в действительности, государство, где болгары через несколько поколений совершенно растворяются в массе славянского населения.

Славяне наводнили и оставшиеся за Византией области Балканского полуострова. Даже в Малую Азию они переселялись десятками и сотнями тысяч. Количество их было так велико, что Юстиниан II мог из славян, переселенных в Малую Азию, сформировать большой военный корпус, численность которого источники определяют в 30 тысяч. По свидетельству Феофана, в Малую Азию в 762 г. добровольно выселилась славянская колония, численность которой доходила до 208 тысяч. В связи с этим массовым внедрением на оставшуюся за Византией территорию славян, армян, мардаитов и с обстановкой постоянного осадного положения, в котором находились эти территории, господствующий класс Византии не был в состоянии сохранить старые формы эксплуатации земледельческого населения.

В так называемом «земледельческом законе», появление которого всего вероятнее приурочивать к VIII в., мы не встречаем никаких упоминаний о колонате, прикреплении крестьян к земле, патронате крупных землевладельцев.

«Земледельческий закон» свидетельствует о существовании крестьян, которые обрабатывают не свои собственные участки, но не прикреплены к земле и обладают правом свободного перехода. Наиболее важная часть аграрных отношений, как их изображает «земледельческий закон»,—это широкое распространение общины и общинного землевладения в византийской деревне. То, что в Западной Европе произошло в V в., на территории Византии, где, как показывают эпиграфические и папирологические данные, еще сохранялись в отдельных провинциях остатки общинного землевладения, имело место в VI—VII вв. Нахлынувшие в империю варвары принесли с собой «осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марок) и этим дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права территориальную сплоченность и средство сопротивления, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии»¹.

¹ Э н г е л ь с — Происхождение семьи..., Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 132.

